

Святослав САХАРНОВ

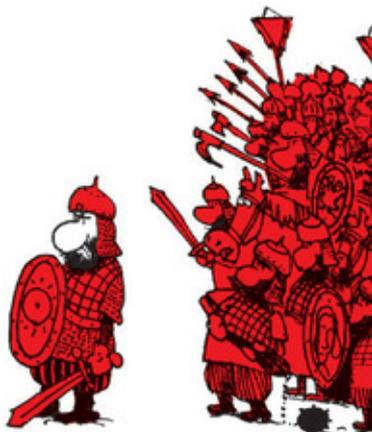
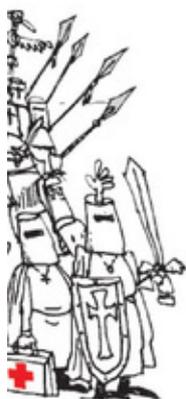

18+

ШЛЯПА ИМПЕРАТОРА

Художник Николай ВОРОНЦОВ

САТИРИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В 100 НОВЕЛЛАХ

Святослав Сахарнов
**Шляпа императора. Сатирическая
история человечества в 100 новеллах**

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=138591*

*Шляпа императора. Сатирическая история человечества в 100 новеллах / С. В. Сахарнов.:
РИПОЛ классик; Москва; 2013
ISBN 978-5-386-05231-7*

Аннотация

История человечества делится на Дикость, Варварство и Цивилизацию.

Дикость – это время, когда человека, убив, съедали.

Варварство – когда, убив, оставляли лежать на дороге.

И, наконец, Цивилизация, это время, в которое мы живем и, когда, умертвив человека, о нем, не без выгоды, пишут мемуары.

Но работая над книгой, автор с удивлением увидел, что в истории дикость, варварство и цивилизация густо перемешаны, их не разделить, и еще, что в ней, в истории, нет главных и второстепенных событий.

Содержание

От автора	4
Часть первая	6
1. Наскальные рисунки	6
3. Мамонты	10
4. Промискуитет	12
5. Каннибализм	13
6. Экзамены в каменном веке	15
7. Череп из урочища Киик-Тепе	17
8. Семь сестер	18
Часть вторая	19
9. Изобретение алфавита	19
10. Пирамида Хеопса	21
11. Тайна и свитки	25
12. Царь Дарий	27
13. Загадки египетских гробниц	30
14. Буцефал	32
15. Архимед	33
16. Герострат	35
17. Сибариты	36
18. Слово Цезаря	38
19. Муций Сцевола	42
20. Калигула и его конь	44
21. Нерон	48
22. Мессалина	50
23. Апулей	54
24. Евгеника	56
25. Нож и колесо	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Святослав Владимирович Сахарнов Шляпа императора. Сатирическая история человечества в 100 новеллах

От автора

Заманчивая идея посмотреть через кривое зеркало на путь, пройденный хомо сапиенс, посещала уже многих. В числе этих смельчаков были блистательные сатириконцы и непревзойденный Мих. Зощенко, но суровая жизнь все время совала им палки в колеса и довести повествование до наших дней никак не удавалось. Почему-то все застревали на императоре Нероне и Готфриде Бульонском.

Эта книга – очередная попытка.

Начать ее хотелось наукообразно. Скажем так: история человечества делится на Дикость, Варварство и Цивилизацию.

Дикость – это время, когда человека, убив, съедали.

Варварство – когда, убив, оставляли лежать на дороге.

И, наконец, Цивилизация, это время, в которое мы живем и, когда, умертвив человека, о нем, не без выгоды, пишут мемуары.

Но работая над книгой, автор с удивлением увидел, что в истории дикость, варварство и цивилизация густо перемешаны, их не разделить, и еще, что в ней, в истории, нет главных и второстепенных событий. В каждом, как в капле воды, висящей под краном, отражается внутренность всего дома. И кое-какие события из Средневековья вполне могут произойти

сегодня. Автору ничего не пришлось выдумывать – любая фантазия бледнеет по сравнению с тем, что натворило человечество. А натворили мы достаточно – целая пирамида Хеопса.

Н-да... Все-таки, чтобы был какой-то порядок, разобьем повествование на Античность, Средние века и другие драматические отрезки времени. Слабонервных просят не читать. Ну, а если кому вздумается, перелистывая страницы, хихикать, то автор ничего против не имеет.

Итак, приступим.

Часть первая Доисторические времена

1. Наскальные рисунки

У доисторических художников жизнь тоже была не малина.

Вырезав в глубине пещеры ножом на камне сюжет, творец приглашал старейшин.

– Та-ак! – говорили старейшины, кутаясь в шкуры и вглядываясь в изображение. – Это что, сцена охоты?

– Она, – ликовал художник. – Самое главное. Чем живы. Вот мамонт бежит, а вот мы. С копьями.

– Верно!.. У нас, значит, полная свобода творчества... Таак... Но копьё... Почему так крупно? Видна конструкция. Это запрещено.

Первобытное искусство

Художник мрачнел.

– Копья соскоблить, нарисовать палочки, – начинали диктовать старейшины. – Боевой порядок воинов тоже нельзя – тайна племени. Число людей – тоже...

– Да убери ты этих двуногих! – советовали художнику приятели-кроманьонцы. – Оставь одних мамонтов.

– Сколько можно? – плакал художник. – Три тысячи лет рисуем только мамонтов да быков. Обрыдло!

– Как знаешь... Между прочим, сегодня будут давать козье мясо. По спискам. Соскоблишь или нет?

Художник скоблил...

– Первобытное искусство несет в себе парадокс: точное знание анатомии животного и полное неумение нарисовать себя, демиурга, человека, – восклицают с кафедр ученые.

Они витают в эмпиреях. Не знают простых причин.

История изобретения, или, вернее сказать, приручения, огня напоминает то, что спустя полмиллиона лет произошло с энергией атома.

И в этом случае у истоков изобретения разгорелись споры: нужно оно или нет? по какому пути идти?

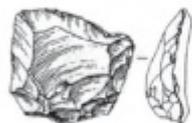
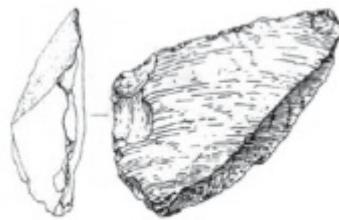

Приручить огонь было непросто

Дело происходило так. Какой то любознательный неандерталец, а может быть, даже его предок сидел в пещере и задумчиво вертел между ладоней палочку. Один конец палочки он случайно упер в сухую щепку. Из щепки появился дымок, кончик палочки почернел, а потом на нем заплясал алый язычок.

– Огонь! – удивились пещерные жители. Пожары от молний и извержения вулканов они уже знали. – Эх он бежит! Надо ему щепочек подбросить.

Запылал костер.

Первобытные инструменты

– Значит так, – обратился к племени самый предприимчивый, – есть предложение: способ добывания огня застолбить. В том смысле, чтобы запомнить и все время им пользоваться. Какие есть мнения? Все-таки тепло и можно жарить мясо.

– А шкуры зачем? – сказал самый ленивый. – Завернешься, и хорошо. Что касается жарить, считаю это баловство. И сырое съедим.

– Добывать долго, – поддержал его другой. – Вон сколько он руками вертел, ладони стер. Обучение опять же проходить надо, может, не всякому это дано – вертеть?

– Н-да, преимуществ мало, – согласился старейший, – недостатки перевешивают. Стало быть, пес с ним. Забудем и выбросим.

Умелец, добывший огонь, сидел как оплеванный.

– Пойдите, пойдите, нельзя же с места в карьер. Отвергать легко, – пожалел его кто-то. – Давайте подумаем, может, есть еще какое то применение. Например, в военных целях.

– Точно! – обрадовался самый воинственный. – Можно метать во врагов горящие сучья. Можно, взяв их в плен, прижигать пятки.

– Так, так, так... – Говорившие оживились. – Загнать в лес и спалить... Задушить дымом в пещере... Неплохо!

Судьба изобретения была решена. Огню открыта широкая дорога. История человечества получила мощный толчок.

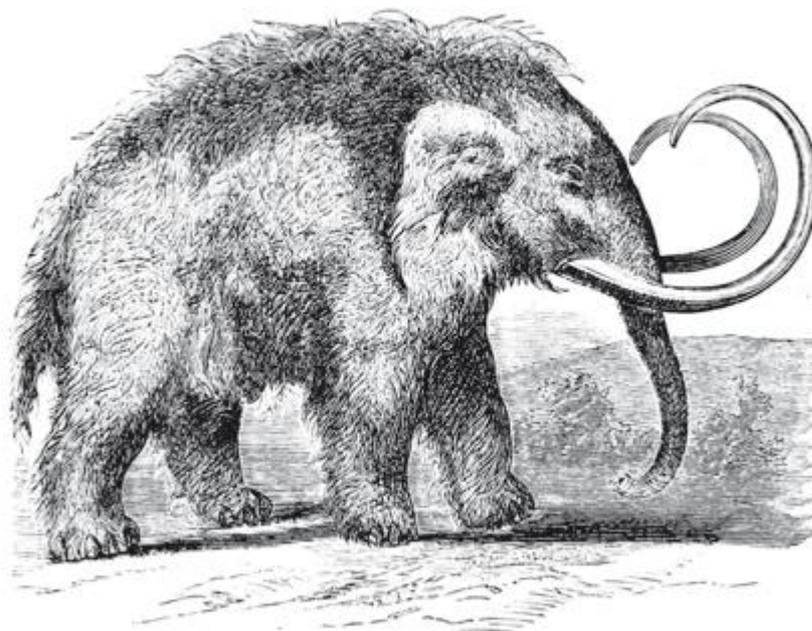
3. Мамонты

Мамонт был любимой добычей первобытного человека. Лучший охотник племени подкрадывался к слону, когда тот щипал траву, и втыкал ему под хвост копьё. Затем все племя шло по пятам истекавшего кровью животного... Мамонты гибли тысячами.

Наконец одного любителя мяса озарило.

– О, люди, дети людей! – обратился он к соплеменникам. – Не кажется ли вам, что скоро в тундре не останется ни одного мамонта? Надо ввести ограничения.

– Видали? – возмутились охотники. – А есть нам что – крыс? Один ты умный!

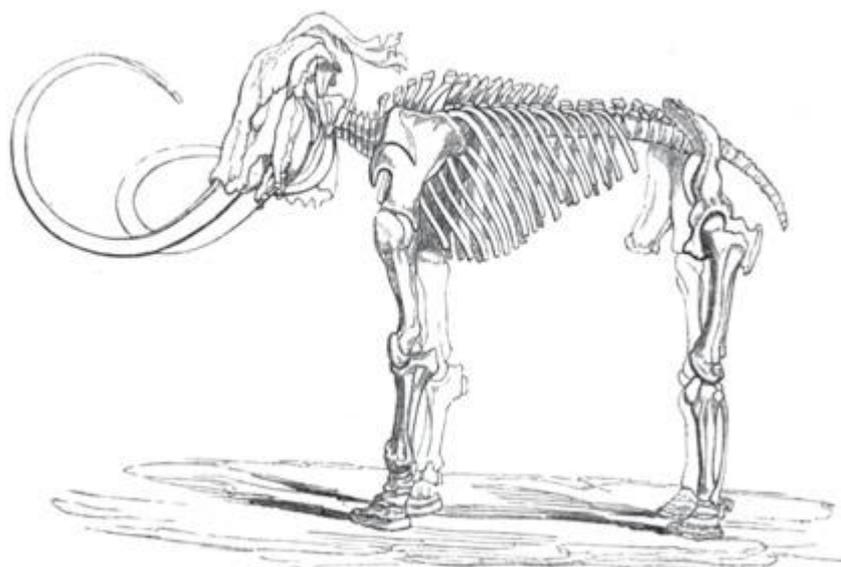
Любимая добыча первобытного человека

Провидцу размозжили голову топором.

Но когда мамонты и верно исчезли, предсказателя вспомнили.

– Накаркал, подлец! – объясняли старики молодым воинам. – Если бы не он, были бы мы с мясом!

Так провалилась первая экологическая идея.

Остатки любимой добычи

4. Промискуитет

В каменном веке было туго с женщинами. Их было мало. Женщин приходилось беречь, с их капризами считаться.

Больше всего мужчин заботило, что женщины стали разборчивы. В брак они вступали только с красивыми и мужественными.

Особенно негодовали старики и увечные. Они добились совещания. Повестку дня назвали просто: о мерах по дальнейшему повышению роли женщин.

Совещались одни мужчины. Говорили о том, что волнует слабый пол.

– Женщины недовольны существующим положением. Оно не отражает их растущей роли, – бубнил какой то колченогий. – Женщина порой и хотела бы сменить партнера, но не позволяет обычай.

– Часть женщин, я бы сказал – большая и лучшая часть, хотела бы иметь в три-четыре раза больше детей, – уверял немощный старик. – Нос одним мужем разве разбежишься?

– Предлагаю установить так, – резюмировал самый подлый, – кто тебя в углу пещеры поймал, тот тебе и муж. Укрепится семья, не будет недовольных, перед женщиной откроются горизонты.

Так и постановили. Для маскировки это дело назвали ученым словом «промискуитет».

Нельзя сказать, что, принимая решение, женщин игнорировали.

За ними оставили право жаловаться.

Жаловались они примерно сорок тысяч лет.

5. Каннибализм

Нашим далеким предкам, которые кочевали по просторам Европы, не был чужд каннибализм. Правда, себе подобных они ели не так уж часто и, надо полагать, эти факты не афишировали. Но возникли проблемы воспитания молодого поколения: «Врать ему или не врать?»

Крошечный неандерталец вытаскивал из золы челюсть.

– Что это? – спрашивал он.

– Да так, завалили мы на днях саблезубого тигра, – говорил небрежно отец.

– Какой же он саблезубый? Челюсть, как твоя.

– Н-да?..

– Видишь ли, мой юный друг, – вмешивается дед. – Когда-то в стародавние времена тут был похоронен славный вождь.

– Но челюсть-то совсем свежая!

Взрослые переглядываются. Между тем ребенок вытаскивает из земли две расщепленные и обглоданные берцовые кости:

– А это что такое?

Отец звереет:

– Видишь ремень?

– Ноя должен знать правду.

– Снимай штаны!

Когда рев высеченного стихает, мать потихоньку выбрасывает из пещеры кости и, взяв сына на руки, начинает ему рассказывать сказку про далекую страну, где всегда тепло и где молодые косули сами прыгают в западни.

За женщинами оставили право жаловаться

Взрослые сидят у огня и стараются не смотреть друг на друга. «Признаться, что ли? – думают они. – Ну, едим себе подобных. Но ведь это факт – последнего съели в прошлом году. Может, больше и не придется есть. Умолчим! Нам скоро на пенсию, а ему жить. Не будем травмировать молодежь!»

Сложная проблема отцов и детей стояла и перед жителями ледниковой Европы.

6. Экзамены в каменном веке

Проблема абитуриентов также всегда стояла остро. Когда набирали в охотники, пещерные юноши и девушки сбегались со всей округи. Каждый хотел иметь в жизни гарантированный кусок мяса.

– Так дело не пойдет! – решили старейшины. – Надо отсекай!

Отсекли девушек. Им объявили, что охота не женское дело и что их место у очага.

Наплыв юношей продолжался.

Ввели экзамены. На стене рисовали изображение оленя, и в него предлагали метать копьё. Дело оказалось нехитрое, преуспевали почти все.

Тогда в глубине пещеры установили глиняную болванку, на нее напялили шкуру медведя. За сталагмит посадили шамана. Абитуриент должен был в кромешной темноте найти чучело и, не испугавшись рыка, который издавал шаман, пронзить сердце зверя.

Пещера была глубокая и запутанная. Шаман ревел, как настоящий медведь. Появились двойки и отказы. Старейшины было успокоились.

Но вскоре отметки снова поползли вверх. Уже никто не отказывался. Приемная комиссия недоумевала.

Оружие охотника

И тут шаман, который сидел за сталагмитом, обратил внимание на то, что медведя находят уж больно быстро. И копьём тыкают без промаха. И даже сопят и покашливают в темноте как-то на один лад.

На перемене в первобытной школе

Устроили облаву – и выяснили, что за небольшую мзду экзамен сдают подставные лица. Одни и те же.

– Отсекать! Отсекать! – решили старейшины и добавили в экзамен еще отсечение пальцев. Этим они убивали трех зайцев: ужесточили требования к поступающим, метили сдавших и отпугивали подставных лиц.

Абитуриент пошел мужественный. Наступил наконец порядок.

7. Череп из урочища Киик-Тепе

Предметы, найденные во время раскопок, многое могут рассказать опытному археологу. На черепе неандертальца, найденном в урочище Киик-Тепе, обнаружены следы когтей медведя, царапина, причиненная копьем, и, наконец, сам череп расколот кремневым топором.

А было дело так.

Неандертальцу, на редкость здоровенному мужику, вздумалось помериться силой с медведем. Медведь встретил человека у входа в пещеру и едва не свернул ему шею.

Тогда воину пришла мысль создать для борьбы с медведем широкую коалицию. Он сплотил вокруг себя единомышленников из своего племени и уговорил соседнее племя забыть во имя хорошего ужина все обиды.

Череп неизвестного неандертальца

Артелью выгнали медведя в поле и там прикончили.

Закатили пир.

После сытной и обильной еды соседи отяжелели. Родилась идея – перебить их. Что и сделали. В схватке копьем царапнули воина.

Когда все было кончено, он обратился к соплеменникам.

– Мы сыты, и мы победили, – резюмировал он. – Перед нами новые горизонты. Резонно выбрать нового вождя. Кого вы хотите?

– Тебя! – закричало племя.

Громче всех кричали те, кто во время боя и охоты отсиживался в кустах.

Однако новый вождь неожиданно развил бурную деятельность: доел в одиночку медведя и свел по очереди в кусты нескольких чужих жен.

Тогда его кокнули. Убили те, кто особенно громко кричал.

Одной доблести вождю мало. Надо еще уметь предвидеть.

8. Семь сестер

Когда предки нынешних аборигенов перебирались в Австралию на плотках через пролив, и даже до этого, когда они плыли с острова на остров, их очень смущали звезды. Перебираться приходилось по ночам, скрытно, чтобы не напали местные. И каждый раз сверху вниз на голых аборигенов и на их жалкий скарб внимательно смотрели огненные, зло мерцающие звезды.

– Подсматривают! – убежденно толковали черные как сажа путешественники.

Кто подсматривает? Неясность томила и мешала правильно воспринимать окружающее.

Добравшись до Австралии, аборигены рассеялись по материку. Жилось трудно, дело в том, что ни они, ни их прадеды не успели изобрести ни луков, ни домов, ни даже приручить собак. Каждый день стоял вопрос: как не умереть с голоду? За несколько веков придумали только копьеметалку для мужчин и палку-копалку (искать коренья) для женщин.

С женщинами вообще было туго. Они как-то быстро оценили обстановку и стали сбиваться маленькими группками около самых сильных и опытных.

– Около этого хоть не умрешь, – разумно рассуждали они.

На этой почве нет-нет да и возникали конфликты. Женщину то украдут, то сманят в другую группу.

– Любовь... При чем тут любовь? – толковали во время суда над виноватыми старейшины. – Какая может быть любовь, когда у каждой норма, каждая должна выкопать за день десять съедобных корешков? А их попробуй найди! Придумали тоже – ушла по любви! Проткнуть похитителя копьем!

И протыкали.

Потрясенные приговором холостяки ложились на сырую землю и смотрели на созвездие Плеяд. Семь звезд. Смутная тоска по женщине подсказала вариант.

Что, если это семь сестер-эму (каждое племя имело свой тотем – что-то вроде зверя покровителя)? Как-то за ними, вожделея, погнались мужчины из племени динго. Быстрее, еще быстрее... Но когда мужчины-собаки уже догоняли их, женщины-эму из последних сил взлетели на небо. Там они теперь, тоскуя, смотрят, как внизу люди плавают на плотках, влюбляются, едят коренья и метают копья.

Так родился миф. Он был велик не только тем, что объяснил происхождение звезд. Он успокоил: каждый теперь понимал, что его беды и злоключения еще не предел. Бывает похуже.

Часть вторая Античные времена

9. Изобретение алфавита

Первый известный нам алфавит изобрели финикияне.

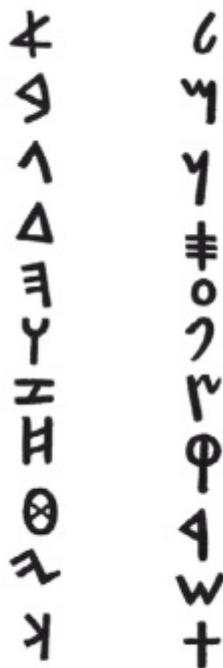
Скорее всего, они изобрели его случайно. Или, наоборот, от очень большой необходимости.

Сидел в своей лавке финикийский купец и с тоской смотрел на трех молодых капитанов, собирающихся в плавание.

– На запад, за Геракловы столбы, с грузом масла, – капитан Алеф, триста амфор. На север, к киммерийцам, – капитан Минос, восемьсот бронзовых топоров. На юг, к берегам Нила, – капитан Сарапас, сорок брусков кедра... О, боги, сама мудрая Изида сломит голову. Мне не запомнить всего этого, – бормотал купец. – Три корабля, три капитана, восемьсот топоров. Запутаться можно!

– Ну, зачем же путаться? – сказала его жена. – Всего три капитана... Напиши на одной деревянной табличке вот такой значок. Это будет Алеф. На второй – вот такой. Это Минос. А на третьей – такой, Сарапас... А, М и С... А дальше палочками – сколько у кого товара. Ты никогда не запутаешься!

– О мудрая женщина! – воскликнул купец и стал заполнять таблички.

Финикийский алфавит

Проводив корабли, он вернулся с пристани домой и для чего-то зашел на половину жены.

«Не ценю я ее, – думал купец. – Ночами сижу в конторе. А она все одна, бедняжка. Тоже нашел что подарить на праздник молодой женщине – календарь!»

На стене висел нарисованный на пергаменте календарь. Против разных дней недели рукой жены на нем были начертаны значки А, М и С и нацарапаны палочки.

– Четыре палочки... Шесть... Что бы это могло значить? – подумал купец.

10. Пирамида Хеопса

А началось все просто.

– Нужно создать какую-нибудь организацию, – рассуждали египетские чиновники, – крупную, с размахом, десятки тысяч феллахов, у каждого на голове корзина с песком. И все идут, идут...

– Куда идут? Зачем? – возражали скептики. – Хотя несколько десятков тысяч – это действительно хорошо: нужны будут руководители, надсмотрщики, снабженцы... В этом что-то есть!

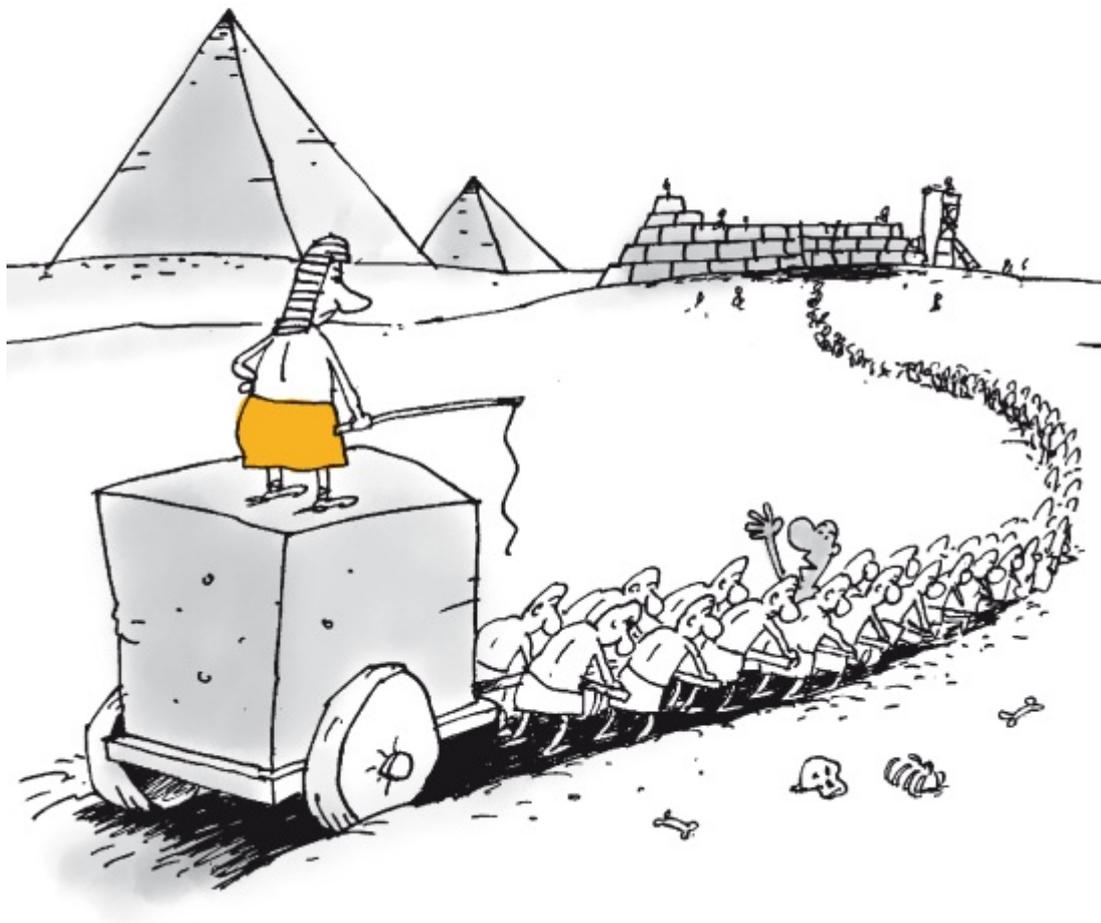
Древнеегипетский чиновник

Создали организацию, феллахи стали таскать песок и сыпать его в кучу.

Когда опустели поля и стало некому убирать урожай, вольных феллахов заменили рабами. Рабы мерли тысячами.

– Придется начать войны – нужны пленные. Иначе откуда их столько набрать. Да и армия простаивает!

Ввязались в драку с соседями. Пленных отводили в пустыню и поселяли в лагерях, окруженных заборами. Дул ветер и уносил весь песок, который успевали за день натаскать в кучу.

Зачатки демократии в рабовладельческом обществе

– Нужен камень. Каменные блоки. Будем вырубать из скал и сплавлять их по Нилу, –
решили начальники строительства.
Для доставки камней пришлось построить целый флот барж.

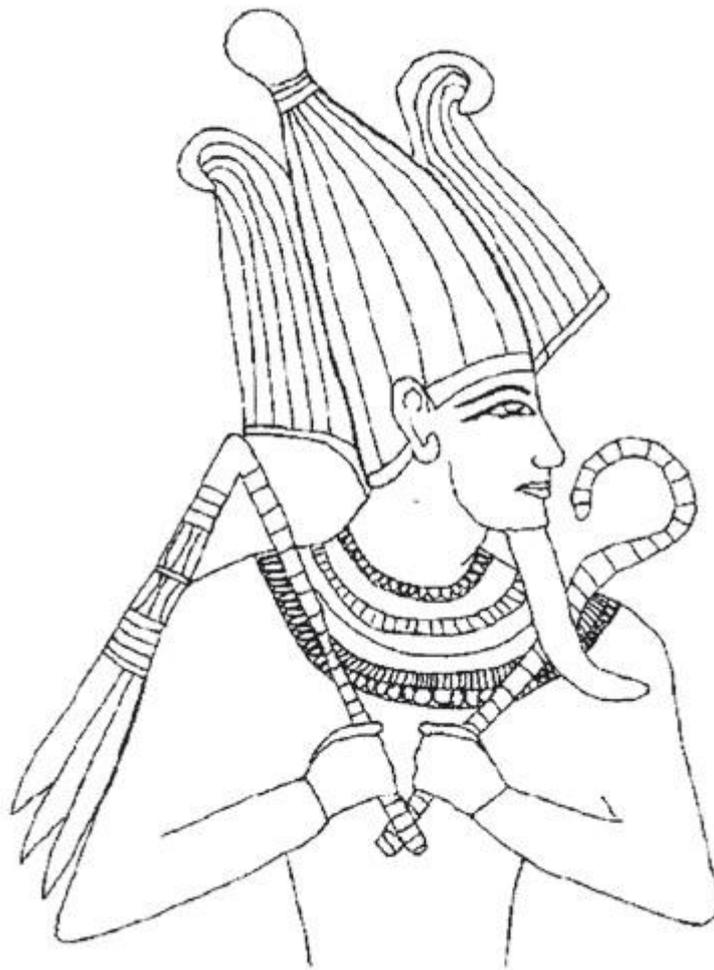
Древнеегипетские божества

Воины сражались за пределами Египта, баржи с камнями плыли по реке, белые кости рабов растаскивали по пустыне шакалы.

Все были при деле.

– Гляди-ка, что получается – пирамида! – удивились строители. – Теперь надо ее для чего-нибудь приспособить.

– Под усыпальницу нашего обожаемого фараона, – подсказали жрецы.

Обожжаемый фараон

– Верно! Вот только вопросик: обожаемый еще жив, а у нас все почти готово. Не про-
стаивать же объекту!

Не исключена возможность, что даже рассматривался вопрос, как бы ускорить... Но
все обошлось: фараон умер, его мумию затащили внутрь пирамиды – и все стало на свое
место.

Правда, пока строили, развалили народное хозяйство, проиграли кучу войн и отстали
в строительстве морских судов.

...Теперь пирамида – приманка для туристов. Вокруг нее богатых американцев возят
на верблюдах, западные немцы, стоя рядом, фотографируются, а по вечерам для итальян-
цев камни освещают разноцветными прожекторами и играют что-нибудь из Верди. Кстати,
пирамида пуста – мумию фараона давно украли.

Эта история наталкивает на разные полезные мысли. Главное – затеять что нибудь
грандиозное, начать что-то строить. Можно новое общество, можно рыночное хозяйство,
можно – мавзолей.

Главное, все будут при деле.

И наплевать, что из этого получится.

11. Тайна и свитки

Царь Иудеи Соломон был мудр и, пока позволяло здоровье, успевал делать многое, даже вписал что-то такое в Библию. Неплохо воевал, а прослышав про богатую заморскую страну Офир, послал туда корабли, и они привезли ему оттуда много золота и слоновой кости.

– Карту бы у капитана украсть – сами бы туда сплавали, – завидовали другие цари.

Но тайну Офира Соломон сохранил и тем испортил немало крови географам и историкам.

Баловался царь и стихами:

*Ты Нарцисс Саронский, о мой нежный друг,
Лилия меж тернами ты среди подруг...*

Впрочем, кого именно из жен и наложниц он имел в виду – кто лилия, – царь утаил. И правильно сделал – вцепятся друг другу в волосы...

Когда состарился, пристрастился к разгадыванию головоломок, ребусов и кроссвордов.

Однажды ему попала нарисованная в древнем свитке задача «Хитрый узел». Узел не распутывался.

В это время к царю привели двух женщин и принесли ребенка.

– О тень Иеговы! – сказали придворные. – Каждая из этих двух мешигине утверждает, что младенец рожден ею. Но этого не может быть, у ребенка может быть только одна мать.

– Пожалуй, его надо разрубить, – сказал царь, думая про узел.

Одна из женщин закричала, и всем стало ясно, что ребенок ее.

– Он мудр, как никто: он решил загадку, ответ на которую знала только ночь. Слава ему, слава! – закричали придворные.

Мудрый царь решает спор

– Старею, склероз, – вздохнул царь и заглянул в конец свитка, где печатаются ответы.

12. Царь Дарий

Персидский царь Дарий, завоевав Египет, решил соединить каналом Средиземное море с Красным. Он приказал согнать в пустыню сто тысяч рабов, и рабы начали рыть канал.

Черные грифы, распластав крылья, висели в знойном воздухе и с вышины внимательно рассматривали стройку. Они ждали, когда настанет вечер и надсмотрщики начнут оттаскивать в сторону тела умерших за день.

Персидские войны

Канал кормил тысячи птиц.

Но когда его совсем было закончили, к царю пришел жрец и сказал:

– Царь, держитель всего, знаешь ли ты, что говорят в народе?

– Это ты о чем? – не понял Дарий.

– Народ говорит, что моря, которые ты хочешь соединить, имеют разный уровень. Одно лежит выше, другое ниже. Не успеешь ты построить канал, как вся вода из Средиземного моря бурным потоком хлынет по нему в Красное. Твои корабли в бесчисленных портах останутся на мели, а сами портовые города умрут. Ты ведь знаешь, что такое сообщающиеся сосуды?

Печать царя Дария

Царь нахмурился. Он не знал, что такое сообщающиеся сосуды, и ему в голову не приходило, что у морей могут быть разные уровни.

– Канал засыпать, рабов перебросить на другую стройку, жреца наградить! – распорядился он.

Все это было напрасной паникой. Чепухой, но... что значит авторитет науки. Даже ложной.

13. Загадки египетских гробниц

В Древнем Египте были не только пирамиды и саркофаги, были и люди, которые считали деньги.

– Так что же будем делать? – спрашивал фараон, вызвав к себе главного бухгалтера.

Бухгалтер начинал объяснять, что золотой саркофаг казна не потянет.

– А плетей ты не хочешь? – спрашивал фараон.

Бухгалтер стоял на своем.

Охранник гробницы фараона

Тогда фараон собирал приближенных, и те начинали советовать:

– Объявим войну Нубии, победим и на деньги от контрибуции... – предлагал один.

– Ты сперва победи, – отвечал фараон.

– Отправим экспедицию в Таршиш за серебром, – предлагал второй.

– Шиш, а не Таршиш, – печально шутил владыка. – Даром серебро никто не даст.
И тогда самый подлый (все только его и ждали) предлагал вскрыть гробницу фараоновой мамыши и позаимствовать оттуда золотой саркофаг.
– Временно, – не глядя никому в глаза, говорил фараон. – Так и запишите в решении, «временно».

Фараон и его приближенные

Все соглашались, хотя и дураку было ясно, что если фараон умрет, то не воскреснет...
Вот почему, вскрыв гробницу, ученые теперь то и дело ломают головы.
– Саркофаг определенно принадлежит женщине, – говорит один.
– Но пол у мумии, извините, мужской, – возражает второй. Вот, можете потрогать.
И так всё: надписи, изображения, профили, анфасы... Полна загадок и тайн древняя земля пирамид.
А все оттого, что деньги держат нас за горло.

14. Буцефал

У коня Буцефала был всадник по имени Александр Македонский.

Однажды Буцефал отправился в Индию. Он понес на спине Александра, а затем потянулось все греческое войско.

Буцефал дошел до Ганга.

Вода в Ганге оказалась мутной, в ней кишели крокодилы. Над водой роились мухи. Кроме того, индийцы разбили в сражении авангард греков.

Конь Буцефал и его всадник

Буцефал повернул назад и возвратился в родную Македонию.

– Ну как, сын мой, завоевал Индию? – спросил Филипп Македонский Александра.

– Мой конь пил из Ганга воду, – уклончиво ответил Александр.

15. Архимед

Ученый грек Архимед имел быстрый и проницательный ум.

Женщины тоже не оставляли его равнодушным.

Однажды некая молодая особа пожаловалась Архимеду, что, тайно будучи у него, потеряла в ванной комнате заколку для волос.

– Я обдумываю сейчас закон плавания тел, но заколку постараюсь отыскать, – ответил ей ученый.

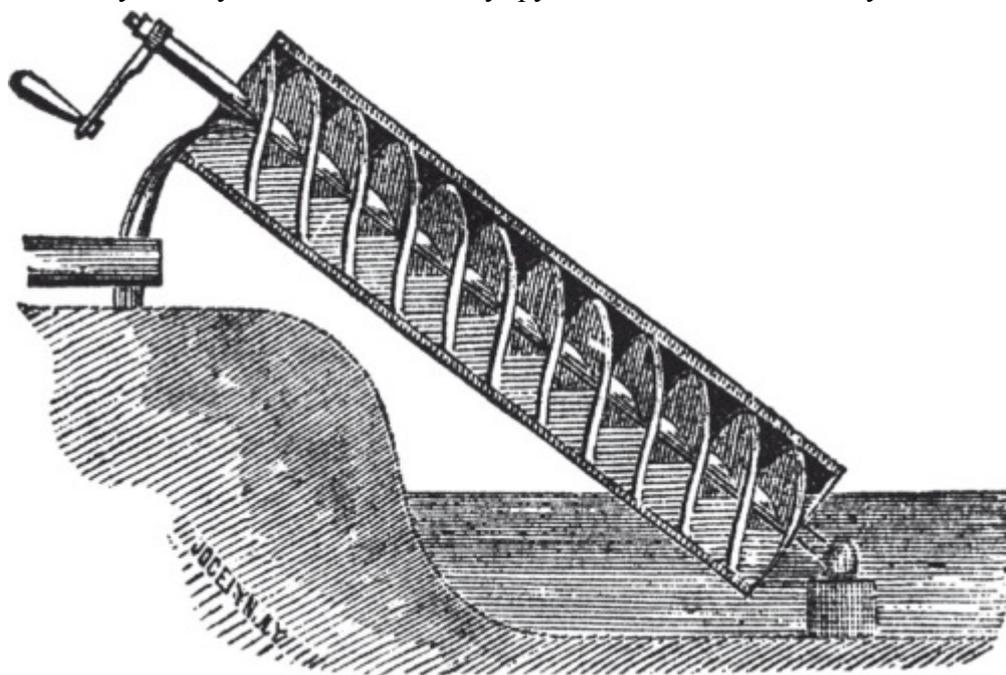
Он забрался в ванную и на дне бассейна обнаружил потерянный предмет.

– Эврика! – закричал Архимед. – Нашел!

– Что ты там нашел? – спросила его жена.

Архимед не растерялся и бойко отбарабанил ей новый закон, мол так и так: «Тело, погруженное в воду...»

– Какой ты у меня умница! – сказала супруга. – А можно и я залезу к тебе в ванну?..

Винт Архимеда

Но это всё маленькие слабости гения. А вот когда на его родной город Сиракузы напали римляне, тут женолюб и шутник Архимед проявил себя во всей красе инженера и гражданина. Машины, построенные им, бросали в корабли римлян тяжелые камни, зеркала, направленные на триремы противника, зажигали их солнечными лучами, как свечи.

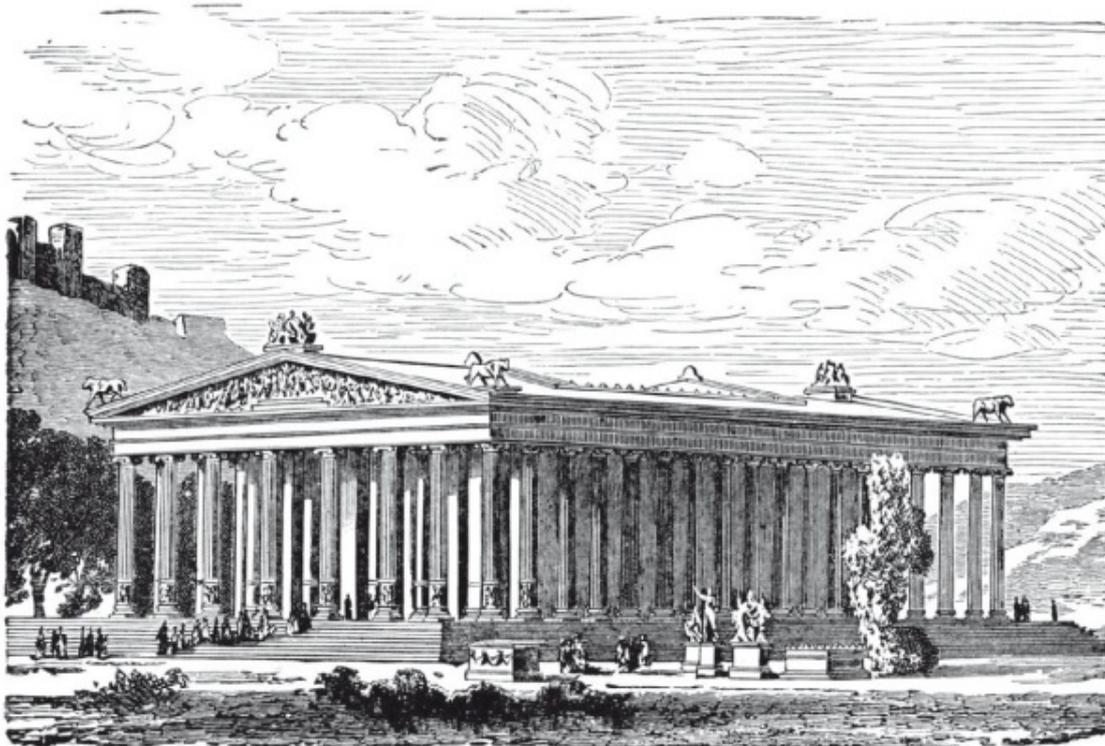
Архимед, погруженный в воду

А когда суровые легионеры все же ворвались в город, на одной из улиц они наткнулись на человека, который сидел на корточках и палочкой рисовал на песке какой-то чертеж и делал вычисления.

– Отойди, солдат, ты мешаешь моей творческой мысли, – сказал он легионеру.

Но римлянин проткнул его мечом и побежал дальше – грабить дома.

Этот эпизод мы рассказали к тому, что между армией и гражданским населением всегда происходили недоразумения. Сколько великих открытий не дошло до нас оттого, что солдаты не умели читать чертежи и не прислушивались к тому, что бормочут ученые!

Храм Артемиды до сожжения

16. Герострат

Знаменитый храм Артемиды в Эфесе считался одним из семи чудес света.

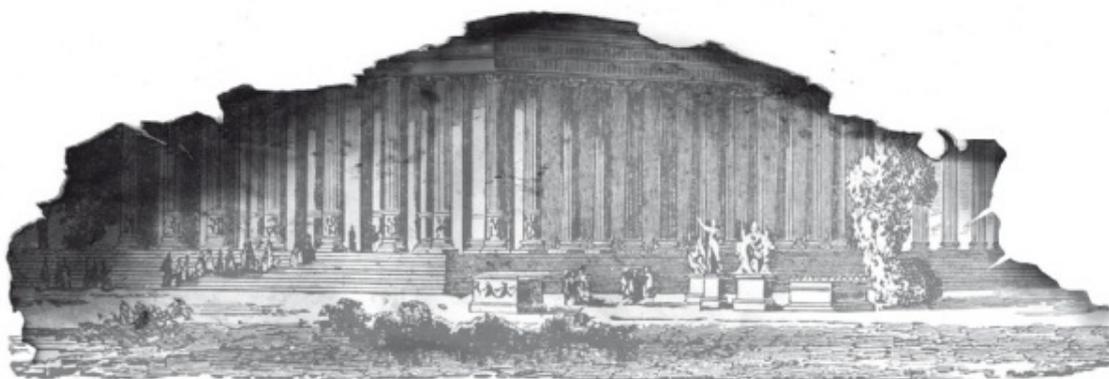
В городе часто случались пожары, а городской ареопаг никак не мог решить вопрос об организации пожарной команды.

– Чем бы их пронять? – подумал некто Герострат. Он был активным общественником, и дела города были для него небезразличны. – Надо чтонибудь сжечь.

И он сжег храм.

Ареопаг забурлил.

– Забудьте безумца Герострата! – велено было выкрикивать на всех площадях города. Имелось в виду, что пожарную команду все равно никто создавать не будет и надеяться на это могут только сумасшедшие.

Храм Артемиды после сожжения

Докричались до того, что, когда любого грека ночью будили и спрашивали: «Кого надо забыть?», он тут же отвечал:

– Безумца Герострата!

Создали прецедент. Все тщеславные и душевнобольные во всех странах кинулись подражать эфесцу. Они резали ножами знаменитые картины, обливали их кислотой, подкладывали под памятники динамит.

Рванув бомбу на итальянском вокзале, где под обломками кричит и корчится едва ли не сотня человек, террорист тут же лезет в газету:

– Написали обо мне или нет? Ага, написали! Ишь, как славно – целую полосу не пожалели... Где бы еще шарахнуть?

17. Сибариты

Жители древнего города Сибариса – сибариты – были изнеженной публикой.

Началось все с белья.

– Жесткое, подмышки натерло, – пожаловался как-то один сибарит другому. – Прямо кольчуга! Из чего они, черти, его шьют? Из мешковины, коноплю, что ли, пускают?

– Вот-вот. И жена жалуется, и все знакомые, – подхватил сосед. – Хочешь даму незаметно так по коленке погладить – в пальце заноза... А вот я недавно видел покрывало, на корабле привезли, даже не из Индии, а откуда-то из дальше. Ну, доложу я вам – нежнейшая ткань! Так и струится, так и льется. Что, если найти искусного раба-портного и заказать ему?

Так было изобретено шелковое белье.

Но сибариты на этом не остановились.

– Что это мы пьем все подряд, мешаем вина, не поймешь, где какое – молодое, старое? В этом деле надо навести порядок. Будем выдавливать на пробке год урожая, составлять коллекции и вообще почитать Бахуса.

Родился розлив вин. В почет вошли коллекционные.

Сосуд

На очереди было изобретение совершенно революционное.

– Что это ты, Клавдий, фантазируешь? – спросил один сибарит-поэт своего друга-художника. – Сосуд, но какой-то странной формы.

– Сосуд, – согласился изобретатель. – Понимаешь, осенило. Что, если ночью по нужде не бегать в сад под кустик, а иметь эту штуковину рядом, под кроватью?

– Ручку пририсуй.

Сосуд с ручкой

Родился ночной горшок.

Город жил в свое удовольствие. Закатывали пиры, столы ломились от рыбы и птиц. Кур подавали нанизанными на шампуры, как шашлыки. Всю ночь по улицам бродили танцоры и музыканты.

Время от времени вспыхивали скандалы. Их решали гласно, на форуме, в присутствии всех горожан.

В летописях есть, например, такое. К одному сибариту пришел сосед и пожаловался:

– Твой петух мешает мне спать.

– А мне мешает твоя жена. К ней приходит очень много молодых музыкантов. Между прочим, они приходят поодиночке и без инструментов.

– Врешь!

– Не вру.

– Ты враг республики!

– Сам дурак.

Они схлестнулись и даже побили друг другу морды. А ночью запылали сразу оба их дома. Сгорели и жена, и петух.

– Ай, ай, ай, до чего докатились! Этак весь город можно спалить, – испугались сибариты.

Они собрались на форуме и постановили: «Истребить всех петухов».

Жен не тронули – на форум пришло много музыкантов.

18. Слово Цезаря

Удивительно, как историки охочи собирать высказывания знаменитых людей! За каждым так и ходят табунком.

Гай Юлий Цезарь с молодых ногтей запомнил две вещи: совесть и политика несовместимы, и еще – прежде чем сказать, оглянись, записывает ли кто.

В Древнем Риме был хороший демократический обычай. Каждый кандидат на выборную должность устанавливал на улицах столики, а на них клал пачки денег. Подходили, брали и бежали голосовать «за». Еще устраивали для избирателей пиры, выкладывали жареных быков, ставили блюда – рыбы, набитые яблоками, птичьи языки в гранатовом соку. Мечта!

Но для всего этого нужны были деньги. Деньги проще всего было добывать в провинции. Цезарь добился назначения наместником в Испанию. Когда кто-то сказал: «Как же так? Такая глушь!», он ответил:

– Лучше быть первым в провинции, чем вторым в Риме.

Историки поняли: за этим человеком надо записывать.

После Испании были Галлия и Британия. Деньги – налоги и взятки – сами так и плыли в карман. Подсчитав свои деньги и легионы, Цезарь понял, что теперь перед ним не устоит и сам Рим. Перепуганный сенат провозгласил его пожизненным диктатором.

Теперь каждое его слово ценилось на вес золота.

– Ну, как там, он еще ничего не сказал? – волновались летописцы, с утра заглядывая в окна диктаторской опочивальни.

– Молчит, чешет ногу.

– Жаль.

Ждать пришлось недолго. Во время одного из походов победа досталась Цезарю так легко, что он, отвечая на вопросы корреспондентов, пожал плечами и сказал:

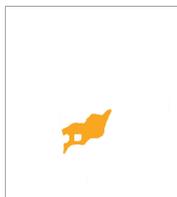

Монета Юлия Цезаря

– Пришел, увидел, победил.

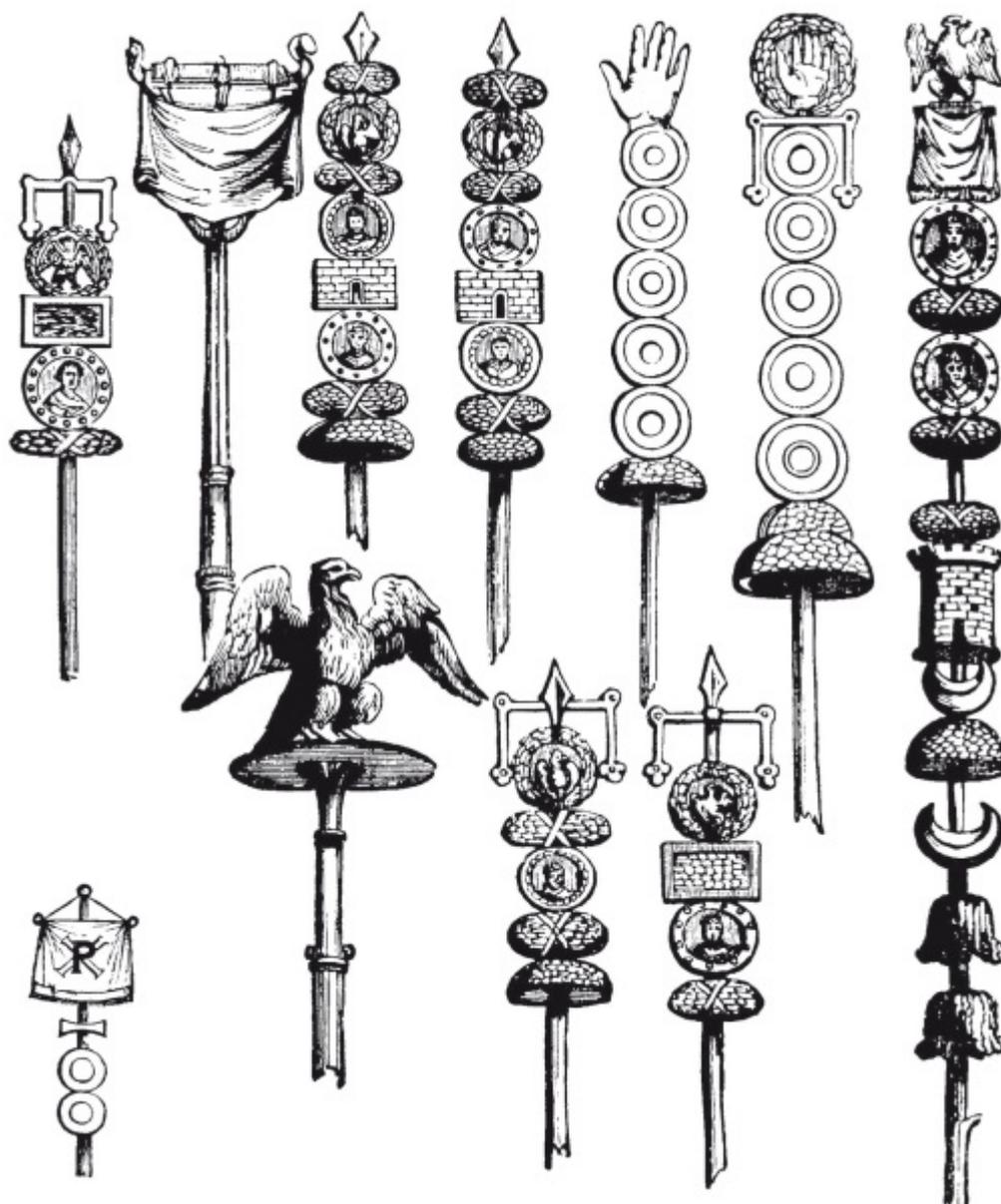
Сколько он за год всего положил народу, полководец умолчал. Не сказал и про то, что огромной армии надо платить, а платить уже нечем.

Тогда замыслился грандиозный поход: через Анатолию в Персию, оттуда круглым путем через Скифию и Германию домой. Через весь мир. Заодно захотелось объявить себя монархом. Корона на голове! Разве плохо?

Все дороги ведут в Рим

– Ведь надо же, как мы его просмотрели! – удивлялись сенаторы. – С народом заигрывал, кричал – я демократ! Такой послушный был, столько вражеских племен вырезал и вот тебе на! Полстраны уведет в поход. Погубит, аспид, республику. Надо его убить!

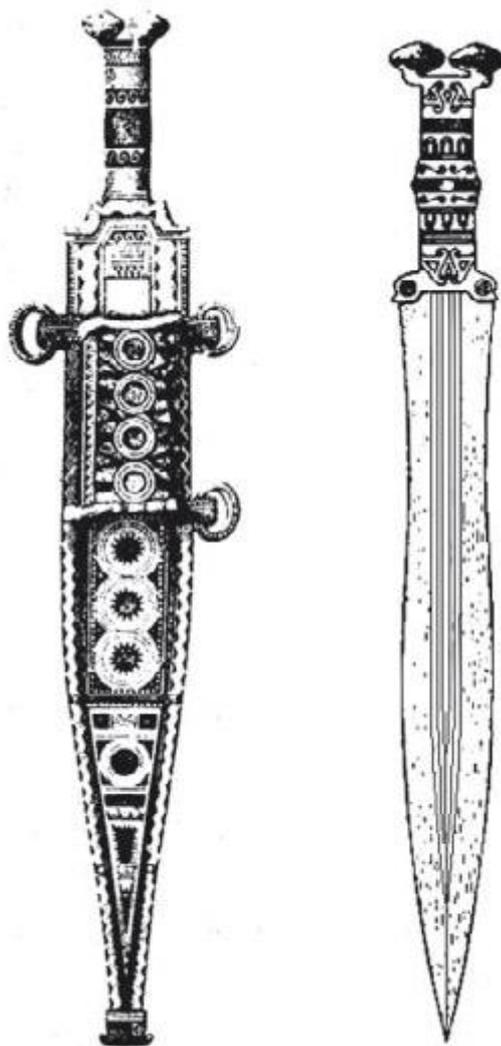

Штандарты римских легионов

Среди заговорщиков особенно активным был однокашник Юлия, Брут. Когда Цезарь вошел в сенат, его быстренько окружили. Среди странно возбужденных народных избранников Цезарь заметил и своего друга.

– И ты, Брут? – начал было Гай Юлий.

Может, он хотел пошутить: «И ты со мной в поход? В Германии холодно, захвати шубу». Но он не договорил: заговорщики выхватили мечи, диктатор упал.

Меч предателя Брута

Политики до сих пор не устают повторять:

– И ты, Брут...

Это в том смысле, что они всегда готовы предать друг друга.

19. Муций Сцевола

Говорят, что римский полководец Муций Сцевола очень страдал от того, что его полкам интенданты выдавали еду и оружие с большим опозданием.

Тогда он пришел к главному интенданту и сказал:

– Почему мои солдаты еще не получили хлеб и дротики?

Главный интендант читал роман Апулея «Золотой осел». Он посмотрел на Муция масляными глазами и улыбнулся. Не исключена возможность, что он еще и улыбался от мысли: «Сейчас я тебя помурыжу. Быстрый какой! Так я тебе и выдал. Нет, ты ко мне найди подход, пришли подарочек, а я посмотрю, что ты там прислал...»

Но полководец оказался с характером. Он положил руку на жаровню, где тлели угли. От руки пошел дым.

Обмундирование римской армии

– Батюшки, ну что за люди эти Сцеволы! – испугался интендант. – Выдайте ему хлеб и оружие. Пусть катится!

Так в далекие времена снабжались воинские части.

Впрочем, большинство историков этот приземленный вариант отвергают. Им подавай чтонибудь героическое. Они рассказывают, что Муций был всего лишь юношей, который пытался убить царя этрусков Парсену. Когда его схватили, он, чтобы показать, с каким народом те имеют дело, положил руку на огонь.

– Это же надо, что за люди – римляне. С такими лучше не воевать! – решили этруски.

Легионеры из римской воинской части

Во всяком случае этот поступок произвел сильное впечатление на потомков. Появились люди, которые стали говорить:

– Да я лучше сожгу себе руку, чем соглашусь!

В наши дни желающих жечь себе руки поубавилось. Больше пишут доносы или записки: «Находясь в стесненных обстоятельствах прошу выделить мне четырехкомнатную квартиру... Или – машину».

Врет. Квартира есть. Машина – тоже.

20. Калигула и его конь

Император Калигула был человеком молодым и вздорным. Больше всего его взволновали возможности, которые открылись, когда он получил власть над Римом.

– Ну что это за короткие вечерние представления? – возмутился он, побывав в цирке. – Что мы, нищие? Государство не обеднеет! – И он приказал давать представления в цирках с утра до вечера, а потом и круглую ночь.

– Так темно ночью, ваше императорское... – пытались урезонить его приближенные. – Народ расходиться будет, не ровен час ноги поломают, у нас на улицах канав сами знаете сколько.

Вечернее представление в римском цирке

– Зажечь факелы, и чтобы освещали весь город до утра. Да расставить в цирке людей, швырять в народ монеты. Мешки на каждом углу с мукой... Кстати, что это некоторые сенаторы не очень радостно кричат при моем появлении?

– Они-с из знатных родов-с, их бабушки и дедушки еще во время Помпея и Цезаря...

– Наплевать мне на Цезаря. Как там на восточных границах, что делают даки?

– Лютуют. Каждый год нападают на наши крепости. Пленных убивают.

– Вот и хорошо.

Гордых сенаторов стали посылать на службу в Дакию. Многие не избежали смерти. В сенате крики при появлении императора сделались радостнее.

Но императору этого показалось мало.

– Ваше императорское, – докладывали советники. – Может, хватит представлений? Может, выделим малость на обустройство города? Ишь, как водопровод прохудился. Опять же канализация... того. Сами чувствуете, когда на носилках несут – приходится зажимать нос.

– И зажму. Суется куда не следует... Вот скажите лучше, как разговорчики среди патрициев, продолжаются?

– Увы!

– И про что они гутарят?

Император Калигула

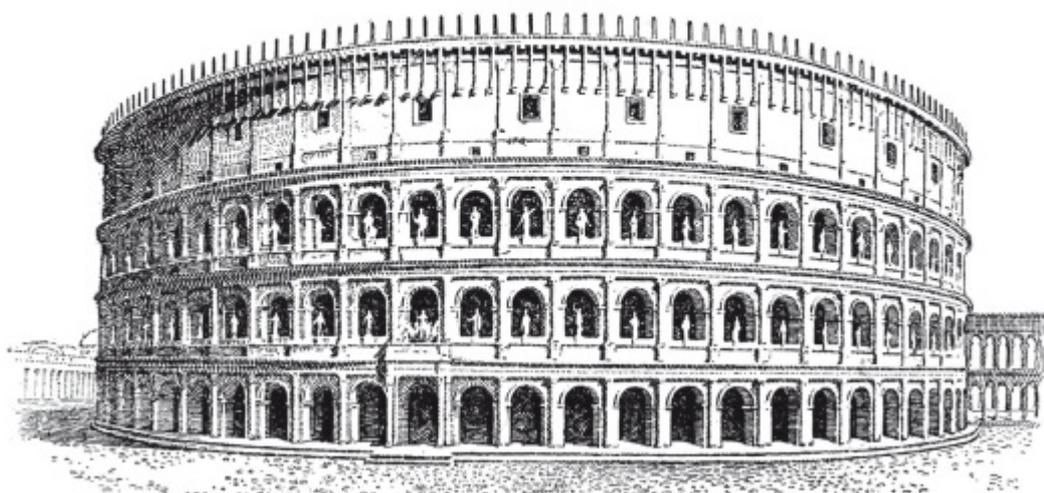
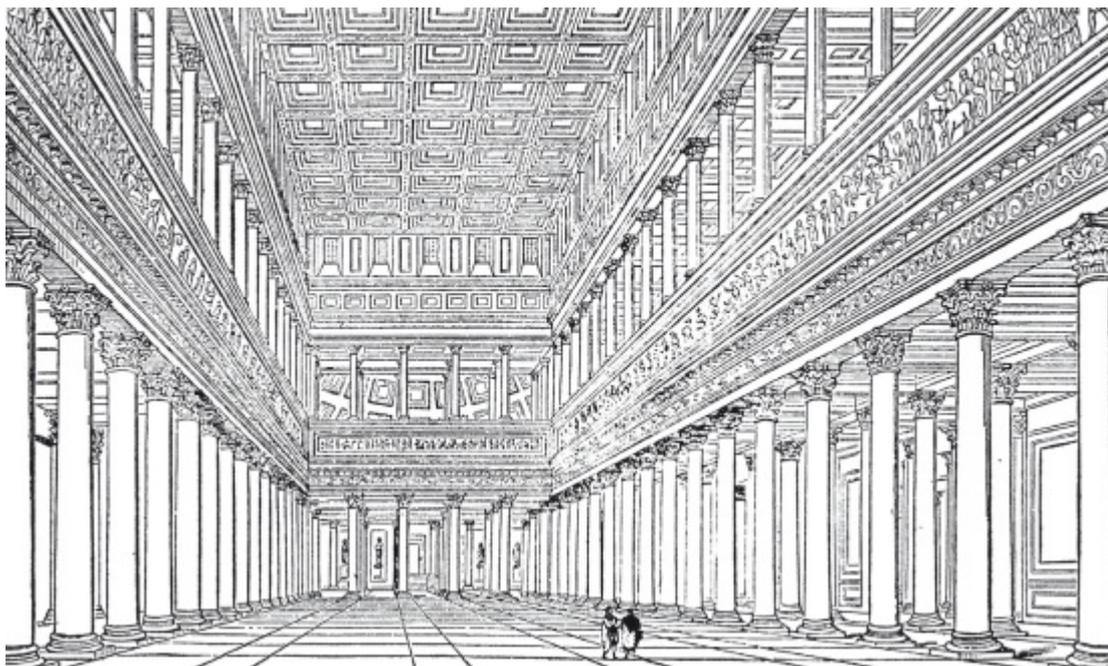
– Не нравится им почести, которые приказано вам отдавать.

– Ах, не нравятся!

И Калигула приказал ввести в состав сената лошадь. Так сказать, кооптировал собственного жеребца, на котором изредка гарцевал по лужайке в загородном имении.

«Лошади оказывать такие же почести, как и мне», – гласил указ. Вероятно, это значило, что, когда жеребца введут, сенаторы должны вскочить, а самые горластые еще и кричать «Салютантум!». Мол, привет, бурные продолжительные аплодисменты...

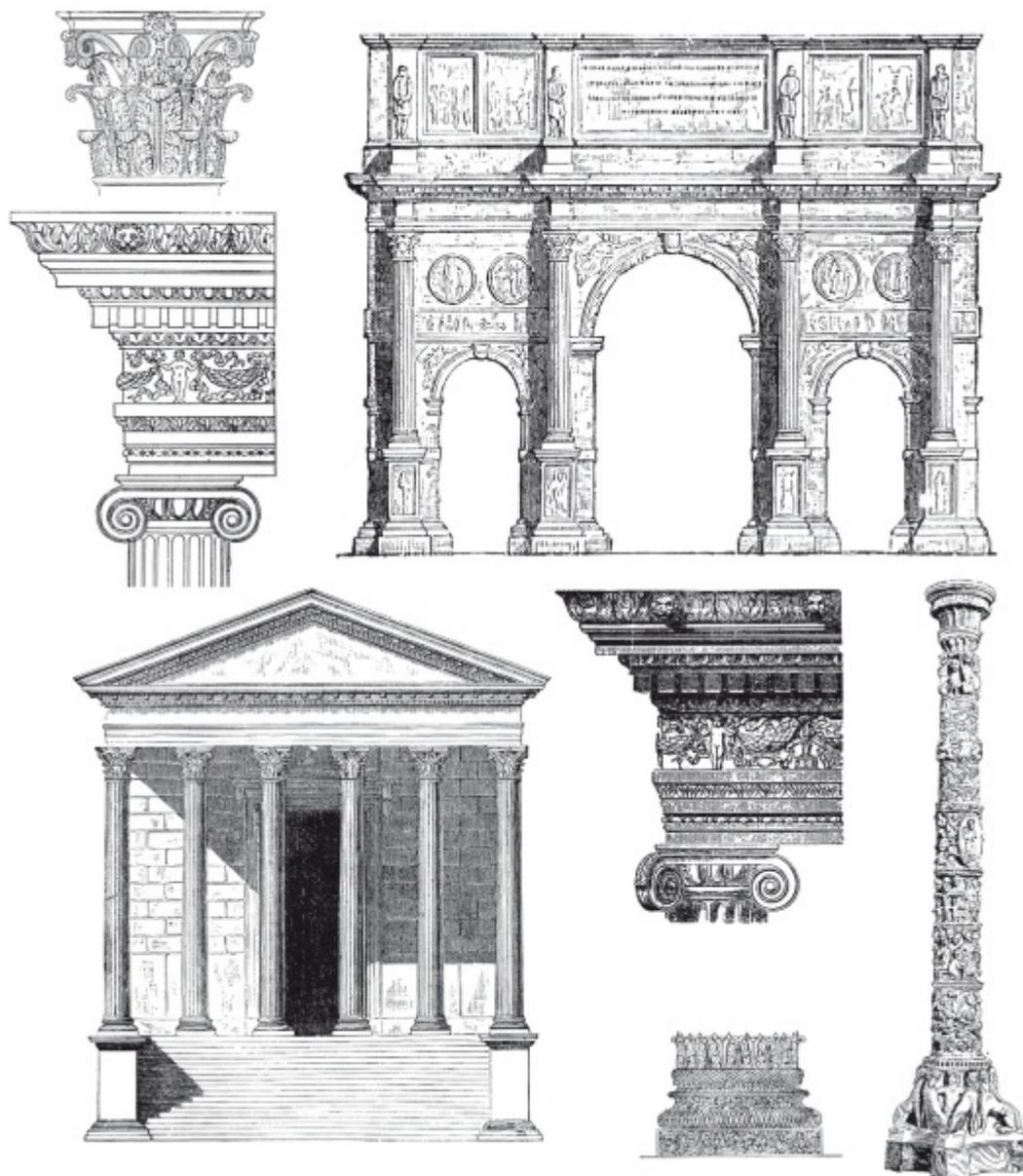
Узнав это, возмутилась преторианская гвардия. Суровые воины, поднаторевшие в дворцовых переворотах, посовещались и решили, что лошадь – это чересчур. Они убили и Калигулу, и его жену и дочь.

Древнеримские постройки для спортивно-массовых мероприятий

Что касается жеребца, то история умалчивает – пострадал ли он? Могли выгнать из дворца. Так сказать, сослать без права переписки.

Страдают всегда безвинные.

Древнеримские архитектурные изыски

21. Нерон

Учителем будущего императора Нерона был мудрец Сенека. Его наставления были глубоки по мысли и совершенны по форме. Юношу обучили философии, живописи, музыке, пению и умению управлять колесницей, в которую запряжена лошадь.

Вступив на престол, он быстро нашел применение своим знаниям.

Сперва пригодилась философия: «Всё что ни делается, всё к лучшему». Он приказал убить мать, которая мешала ему править, и, как утверждали слухи, велел поджечь Рим, чтобы расчистить место для новых дворцов.

Приказ Нерона приведен в исполнение

Потом – настала очередь музыки и пения. Сперва император играл на кифаре и пел в собственном саду перед друзьями.

– Какой талант пропадает! – восхищались друзья. Некоторые из них не могли отличить кифару от флейты. – Нет уж, вы, ваше императорское, не забывайте и народ. Порадуйте подданных!

Нерон для виду покочевряжился, а потом стал петь на сцене. Амфитеатр заполняли наемными хлопальщиками, и те, не жалея ладоней, отработывали аванс.

Между выступлениями Нерон не забывал и о семье и государстве. Жену Октавию приказал сослать на уединенный остров и там убить.

В государстве тоже не все ладилось: из Иудеи в Рим проникло вредное учение. В основном христианство нравилось простым, необразованным людям.

Император музицирует

– Так что они там говорят? – спрашивал император у доносчиков, которые рыскали по базарам и площадям. – Любовь к ближнему? Не укради? Время жить и время умирать?.. Вот пускай сами и умирают.

Он приказал христиан ловить и одних бросать в цирке на растерзание хищным зверям, а других, если представление было ночным, обмазывать смолой и поджигать. Подхалимы называли это веселенько: «факелы Нерона».

Стали возникать заговоры. Первый был неудачным. В нем участвовал и погиб Сенека. Философ, видно, понял, что, обучая будущего императора, малость перемудрил. Последний заговор удался. Спасаясь от заговорщиков, император спрятался на вилле у одного знакомого.

– М-да, по всему видно, вам конец, – не стесняясь, рассуждали те, кто пришел с ним. – Давайте мы вам могилку выроем... Вот так, готово. Теперь очередь за вами. Вот кинжальчик. Извольте сами, под ребрышко.

– Какой артист погибает! Может, не стоит? – ныл император.

– Нет, нет, нет... Что, не хотите сами?

История не любит уточнять, чья рука подняла нож. Какая разница, как умер комедиант.

22. Мессалина

Третья жена императора Клавдия, Мессалина, была младше своего супруга.

– Ну, конечно, мне пятьдесят, а девочке пятнадцать, – рассуждал император, решаясь на брак. – Зато стройна, молчалива, улыбка загадочная. Это именно то, что нужно римскому народу.

Загадочная улыбка вышла Риму боком – сплошными скандалами и потрясениями. Юная императрица меняла любовников как перчатки. Соперниц не терпела.

– Даже не убеждайте меня, – говорила она. – Зачем в Риме еще одна красивая женщина? Одной меня недостаточно? Подумаешь, какая-то Поппея Сабина! Да у меня линия спины не хуже.

Оставшись наедине мучалась: а вдруг хуже?

Кроме того, ненавистная Поппея положила глаз на актера Мнестера.

– Мне он самой нужен, – рассуждала императрица. – Как великолепно на сцене он читает стихи:

*Здесь погребен Фаэтон, колесницы отцовский возница.
Пусть он ее не сдержал; но, дерзнув на великое, пал!..
Надо и мне дерзать!*

У Сабины был нежный друг, сенатор по прозвищу Азиатик. Нашли доносчиков, которые рассказали Клавдию, что Азиатик будто бы собирается его убить.

– Не могут же они все врать, – убеждала Мессалина мужа. – Ну и что же, что он честный и гордый? Под суд этого гордеца!

Суд приговорил Азиатика к смертной казни, но добродушный Клавдий позволил приговоренному самому выбрать себе смерть.

– Свой последний день проведу так, – сказал сенатор. – Утром гимнастика, потом плавание. На обед жареный кабан с персиками. И тогда – ванна, теплая вода, два врача. Только чтобы вены мне они вскрывали поаккуратнее. Тело сжечь на костре.

Так умер Азиатик.

Древнеримские женские прически

К безутешной Сабине были посланы надежные люди. Они ясно объяснили, что завтра ее поволокут в тюрьму и посадят в камеру с уголовниками. Гордая красавица приняла яд.

Кстати, у нее был муж. Когда на следующий день Клавдий спросил его во время трапезы: «Что же ты один? А где же наша Сабиночка?», тот ответил, как истинный римлянин:

– Скончалась по велению судьбы. – И положил себе на тарелку отварных устриц.

Между тем эти мелкие успехи совсем вскружили голову Мессалине.

«Дворец она превратила в публичный дом, – свидетельствует историк. – При живом муже решила сыграть еще одну свадьбу».

– Что-то месяц не вижу собственной жены, – пожаловался как-то Клавдий доверенному лицу, бывшему рабу с нежным именем Нарцисс.

– Именно месяц. Медовый он у них... с любовником, Гаем Силием. Совсем обнаглели. Прикажите действовать?

Древнеримские женские прически

- Валяй! Или нет... Он, Силий, что, у нее первый? Неужели были еще?
- Как собак нерезаных.

– Ай, ай, ай! Сейчас же иду в казарму преторианцев, – возмутился император. – Любовников переловить и доставить туда.

Тут шум, крик, составляют по памяти списки, ловят, пересчитывают. Проверив, всем отрубили головы.

«Надо торопиться, пока император не остыл», – понял Нарцисс и, захватив с собой кучку верных людей, бросился к Мессалине. Молодая императрица сидела у себя в саду под кипарисами и ревела в три ручья.

– Убить немедленно, – сказал Нарцисс офицеру. – Что стоишь, дурак? Приказ императора.

Офицер был человек опытный.

– А вдруг император отменит свое решение? Где документ?

Помогла мать Мессалины, которая тоже ненавидела дочку.

Зная местные порядки, она вбежала в сад с криком:

– Что сидишь? Ждешь, когда поволокут за волосы на плаху? Кинжал-то у тебя хоть есть? Боги, ну что за хозяйка – кинжала в доме нет. Господин офицер, одолжите ваш меч.

Втроем кое-как закололи императрицу. Особенно, говорят, старался Нарцисс, подпрыгивал и нажимал коленкой на рукоять меча.

Он знал, что надо торопиться. Когда Клавдию доложили о смерти супруги, тот долго молчал, а потом приказал впредь ставить на стол рядом со своей тарелкой ее. И часто вздыхал.

Видно, было что-то такое в этой чертовой бабе... Но, с точки зрения хода мировой истории и процветания государства, все действующие лица поступали тут правильно. Даже этот подлый Нарцисс.

23. Апулей

Апулей был древнеримским писателем, а заодно и жрецом. Как жрец он должен был сеять разумное, доброе, вечное, а как писатель – откликаться на злобу дня.

Однажды его пригласили к чиновнику, который занимался древнеримской литературой, а значит, и журналами. Журналы были рукописные, но тем не менее проблемы тиража и распространения у них были те же, что сегодня.

– Над чем работаете? – спросил чиновник. – Да вы не стойте, присаживайтесь.

– Благодарю покорно. Вот принялся за «Метаморфозы». Размышляю о борьбе двух начал в человеке: доброго и злого. О великом, о вечном.

– Гм... м... Любопытно. Понимаете, у нас просьба. Горит один популярный журнальчик. Не раскупают, хоть тресни. Написали бы для него новеллку или дали бы главку из ваших «Метаморфоз». Для примера, хотя бы один эпизодик, о чем он?

– Ну, как вам сказать... Есть, например, такая поучительная история. Не подумав о последствиях, жена впустила в дом, в отсутствие мужа, юношу. Но муж возвратился, чтобы вовремя предотвратить грехопаде...

– Стоп, стоп, стоп! Ну зачем же предупреждать? Предупреждать не надо. Читатель любит этокое, с перчиком... Пожалуй, ваша новеллка может спасти журнал... Только давайте так: муж приходит, жена прячет юношу, а мужа уговаривает забраться в огромный узкогорлый сосуд...

– У меня в новелле есть бочка.

– Можно в бочку. И в то время, пока муж сидит в бочке, жена наклоняется, а юноша... Отлично! Ну, не упирайтесь, всего одна новеллка. Ждем.

Когда журнал вышел, Апулей, купив его, прочитал под рассказом: «Продолжение следует». Друзья, которые стояли рядом и успели прочесть журнал, хихикали.

– А еще жрец! – сказала, проходя мимо, знакомая весталка.

Апулей побежал к чиновнику.

– Ничем не могу помочь! – развел руками тот. – За журналом теперь в киосках очереди. Надо продолжать. Кстати, кто у вас там главный герой?

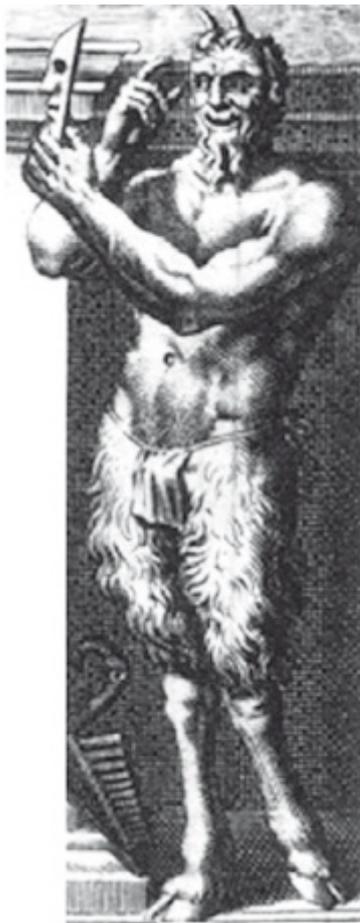
– Юноша, которого злая сила превратила в осла.

– Великолепно! Лучшего сюжета не придумаешь. В облике животного он... Как вашего героя зовут?

– Луций.

– Ваш осел, Луций, дай ему волю, такого натворить может. Хи-хи-хи... Нет, вы просто для нас находка. Придется писать продолжение. И не стесняйтесь. Нравы теперь, сами знаете, какие. Сейчас про все можно.

Так был написан «Золотой осел».

Персонаж с копытами и рогами

Между прочим, чиновник своим детям (а у него была большая семья) роман не показал. Читал по вечерам под одеялом, повизгивая от удовольствия.

24. Евгеника

Вопрос, как улучшить породу, как иметь в государстве побольше крепышей, возник рано и привел в истории ко многим невеселым случаям.

Прежде всего, додумались освобождаться от стариков. На островах Тихого океана, заметив, что дедушка уже не может даже плести силки для птиц, его потихоньку отводили в лес и там приканчивали раковинным топором.

Японцы были сердобольнее.

– Ну как, бабушка, ходишь еле-еле? – спрашивали ту, что была когда-то родоначальницей.

– Совсем обезножела, – простодушно соглашалась та.

– Ну, тогда подыши воздухом, мы поможем.

Старушку отводили высоко в горы, где лежит вечный снег, и там оставляли, прикрыв для приличия циновкой.

Древние греки и римляне смотрели глубже. Они рано поняли, что необязательно ждать старости, что от слабого можно избавиться и вскоре после его рождения.

У римлян отец, приняв на руки новорожденного, внимательно осматривал его и либо, кивнув, передавал кормилице и матери, либо – если в ребенке ему что-то не нравилось – тут же суровой рукой душил.

Греки и спартанцы несколько усложнили этот момент – некачественного, по мнению коллектива, ребенка там сбрасывали со скалы.

Не исключена возможность, что случались недоразумения.

Скажем, греческий военачальник Полемарх в целях сурового воспитания, идя на скалу, брал с собой своего малолетнего сына.

– Не хнычь, – говорил он жене, – пускай видит, как поступает народ с немощными.

Они приходили на обрыв, где уже собрались жрецы, воины и зеваки. Приводили очередных жертв. Грудных, может быть, приносили в корзинках.

– Начнем помалу, – говорил главный жрец, и младенцев кидали вниз.

– Вот так нация очищает себя и делается сильной, – говорил Полемарх. – Пойдите, а где мой? Вот тут рядом стоял. Ах ты...

– Ваш? – ужасались жрецы. – А мы и его... Под руку подвернулся. И главное, ничего не сказал. Смолчал. Весь в вас, с характером.

Слабаков греки сбрасывали с обрыва

– Аспид! Убивец! – выла всю ночь жена.

Когда накопилось много таких случаев, обычай отменили.

В наше время человечество пытается идти по другому пути: на вступающих в брак составляют медицинские карты, устраивают конкурсы невест, рассматривают под микроскопом гены, но результатов пока мало. Хорошо, что не вспоминают старое.

25. Нож и колесо

Древние майя жили на полуострове Юкатан. Там была хорошая красная земля и выпадало много дождей. Кукуруза, по-тамошнему – маис, выростала выше хижин.

По мере роста благосостояния стали расти и культурные запросы, изощрялся ум, майя начали придумывать разные штуки и выдвигать идеи.

Родилась мысль поклоняться солнцу. Выстроили ступенчатые пирамиды, а на каменных плитах, украшавших храмы, начали высекать солнечные круги. Придумали календарь, теперь стало известно, когда какой праздник.

– Эх-ма, серые какие-то они у нас, праздники, скучные! – грустили жрецы. – Ну танцы, ну немного музыки. Надо что-то такое...

Что-то такое придумали: человеческие жертвоприношения. Сперва давливали крестьян, потом поняв, что так можно остаться без кормильцев, стали умерщвлять пленных.

Для этого пришлось вести войны.

В это время два умельца сделали по изобретению. Один придумал колесо, второй – каменный нож.

Решать судьбу изобретений поручили совету жрецов.

Календарь майя.

А также июня, июля

– Колесо... Если колесо, значит, повозка... А зачем? Носили на себе тяжести и будем носить. А потом, не можем ведь мы сразу внедрять и то и другое. Нужны приоритеты. Что важнее. Нож... Нож... А знаете, в нем что-то есть. Что, если рассекать грудную клетку и вытаскивать живое сердце? Вот это будет жертвоприношение! Вот это праздник!

Так и поступили. Америка обошлась без колеса, а нож стали применять.

Даже бессердечные испанцы, прибывшие завоевывать Юкатан, увидав местные фестивали, ахнули:

– Эк они их, бедняг, ножами полосуют! Да их самих – шпагами! Из мушкетов! Трави собаками! В огонь, на пику!

Тоже были не ангелы.

Поневоле задумаешься.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.